

АДЕЛЬ АЛЕКСЕЕВА

Долгое эхо

Щербаевы
на фоне русской истории

Адель Алексеева

**Долгое эхо. Шереметевы
на фоне русской истории**

«Алисторус»

2018

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Алексеева А. И.

Долгое эхо. Шереметевы на фоне русской истории /
А. И. Алексеева — «Алисторус», 2018

ISBN 978-5-907028-17-3

История славного рода Шереметевых – это часть истории нашей огромной страны. Они всегда были по правую руку великих князей, а потом и царей; имели более всех боярских шапок в Думе. Вряд ли какая иная династия сделала столько для Москвы и Отечества, сколько сделали Шереметевы, – не зря мужчин этой династии называли «МУЖАМИ ВОЙНЫ И СОВЕТА». «Мы создали армию и флот, теперь наша задача – образование и культура», – говорил Петр I, и Шереметевы подхватили его призыв. Они занимались церковно-приходскими школами, воспитывали из крепостных крестьян композиторов, скульпторов, актеров и др. В новой книге известной писательницы А. Алексеевой представлены наиболее яркие личности знатного рода: Василий Шереметев, который 20 лет провел в крымском плену; два брата Шеремета, вступившие в спор с Иваном Грозным; Борис Петрович – первый фельдмаршал, сподвижник Петра I, его дочь Наталья Борисовна Долгорукая, первая русская писательница, и др. В 2018 году двойной юбилей Шереметевых: 250 лет назад родилась Прасковья Ивановна Жемчугова; а также исполняется 100 лет со дня кончины выдающегося деятеля – графа Сергея Дмитриевича Шереметева, который был историком, меценатом, хранителем традиций, радетелем культуры, сохранившим замечательные культурно-исторические гнезда (Останкино, Кусково, Вороново, Введенское). Когда случилась революция 1917 года, Шереметевы не предъявляли счета истории. А граф сумел удержать на Родине всех своих потомков. И поныне наследники славной фамилии несут благородную миссию служения России.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-907028-17-3

© Алексеева А. И., 2018

© Алисторус, 2018

Содержание

Династия любви и чести. И мечтатели, и «делатели»	7
Часть первая	13
Река времен	16
Великий князь Иван III Васильевич (1440–1505)	17
Три брата Шеремета и Елена Прекрасная	21
Историк С. Д. Шереметев о смутном времени и об избрании Романова[1]	24
Пленник мрачной крепости Чуфут-Кале	26
Часть вторая	29
Весть о блудном сыне	29
Секретная миссия Шереметева	32
Первая встреча с царевичем	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Адель Алексеева

Долгое эхо. Шереметевы на фоне русской истории

**Под редакцией М. Д. Ковалевой, доцента
РГГУ, заслуженного работника культуры РФ**

Посвящается 100-летию со дня кончины выдающегося деятеля русской культуры графа Сергея Шереметева. Кем он был? Историк, меценат, просветитель, хранитель традиций и русских усадеб.

НИЗКИЙ ПОКЛОН И БЛАГОДАРНОСТЬ потомкам Шереметевых, принявших участие в сборе материалов для этой книги:

- Оболенскому Николаю Владимировичу, академику архитектуры и его семье;
- Оболенской Елизавете Владимировне;
- Павлиновой Варваре Петровне, доценту Московской консерватории;
- Гудовичу Андрею Александровичу, инженеру, отсидевшему в лагерях более 15 лет;
- Голицыну Михаилу Владимировичу, геодезисту, профессору МГУ, академику РАН;
- Голицыну Иллариону Владимировичу, художнику, члену-корреспонденту АН СССР;
- Голицыну Сергею Михайловичу, писателю;
- Шереметевой (Бредихиной) Ольге Борисовне;
- Трубецкой (урожд. Шереметевой) Елене Владимировне, реставратору;
- Шереметевой Ирине Владимировне, супруге графа Василия Павловича Шереметева;
- Шереметевой Евдокии Васильевне, дочери Василия Павловича, и ее семье;
- Шереметеву Петру Петровичу, руководителю Союза Соотечественников.

Династия любви и чести. И мечтатели, и «делатели»

Предисловие

«Кому уподоблю род сей?.. Мы играли на свирели и пели, а вы не плясали, мы пели вам печальные песни, а вы не плакали».
Евангелие от Матфея

Шереметевы – одна из древнейших и славнейших династий России. Они принадлежат к родовитому русскому дворянству и занимают особое место в истории.

...Как-то Ирина Владимировна Шереметева (жена Василия Павловича – последнего представителя по мужской графской линии в России) поведала мне о предании, жившем в их семье. По этому преданию, некогда у одной женщины родились одиннадцать сыновей, и каждый из них стал основателем одного из древнейших родов. Был ли то высший знак тайных сил, или определилось то рождение особым расположением небесных светил, или это легенда – неизвестно, но одним из родившихся сыновей был некий Андрей, получивший прозвище «шеремет», что в переводе с турецкого означает «живой», «проворный»...

Русская история, летописи изобилуют упоминаниями о Шереметевых, среди них много государственных и военных деятелей, и потому историк Н. Г. Устрялов назвал их «мужами войны и совета». Словом, трудно найти в русской истории событие, к которому бы не были причастны Шереметевы. Они были рядом с тронem, почти в центре бурных событий, беззаветно служили родине и помогали царям в задуманных свершениях. Оттого-то писатель и философ Василий Розанов называл таких деятелей «капельмейстерами истории» и «поэтами дела».

Род, так же как и народ, как человек, имеет свой характер, свои особенности. Пусть не все черты переходят к потомкам, но сохранилось у Шереметевых главное: здравомысленное отношение к миру, твердость духа в словах и поступках, умеренность в отстаивании своих взглядов, веру и – открытость истинного православия...

Человек подобен воде, а время сосуду, форму которого он принимает. Оно неизбежно подчиняет себе человека, а государство усугубляет это подчинение. Под колесами государственной колесницы иные гибнут, другие пытаются приспособиться, а лучшие смягчают неизбежную власть и сохраняют самостоятельность.

Писатель Сергей Голицын, автор книги «Записки уцелевшего», который, собственно, открыл мне осознанный путь к теме «Шереметевы – Голицыны», немало поведал об этом. Он замечал при этом: нет иной фамилии, которая была бы так прочно связана с Москвой и которая бы так стойко соблюдала нравственные законы, заложенные православными предками; не зря на шереметевском гербе написаны слова: «Бог сохраняет всё» (*Deus conservat omnia*).

Нравственные законы не просто жили в русской истории – они оказались прочны и в годы советской власти. Судьба подарила мне не одну, не две, а много встреч с потомками славного рода, и писала я эту книгу, пользуясь их рассказами, воспоминаниями, семейными архивами, фотографиями.

Историю хочется то сравнить со стрелой, пущенной из лука, то с сумрачным лесом, а то землей, занесенной снегами. А избранные герои кажутся призраками.

Были ли они всегда верными слугами царя? Андрей Александрович Гудович, граф, отсидевший много лет в лагерях, на этот вопрос ответил мне так:

– Ключевский, как известно, делил послепетровских дворян на практических дельцов, типа Нащокина, и на дворян, в которых заметны черты либерального и несколько мечтательного типа. К последним относились Шереметевы... Знатные семейства были обречены на служение царям, да и сами они олицетворяли власть. Долг призывал, положение обязывало. Однако делали они это по-разному. Возьмите фельдмаршала. Человек неторопливый, даже

медлительный, рожденный для мирной, хозяйственной жизни, – и тем не менее он более 30 лет провел в военных походах, поспевая за нетерпеливым Петром I. Исполняя требования царя, он не мог снизойти до непокорства или вольностей, однако мог промолчать при необходимости и даже... не явился на заседание Сената, когда разбиралось дело царевича Алексея: он не хотел «судить царскую кровь».

Как создавалась эта книга? С чего все началось? Однажды я встретила бывшую одноклассницу по дмитровской школе, мы разговорились, вспомнили двух братьев Голицыных, учившихся в нашей школе, – Михаила и Иллариона. В памяти ярко встала их мать – красавица Елена Петровна, урожденная Шереметева. А спустя два года в доме Михаила Пришвина я услышала рассказ о последнем графе Василии Павловиче Шереметеве.

Это был второй знак судьбы. А третий – тот самый писатель Сергей Михайлович Голицын, о котором уже упоминалось (книги его я выпускала в издательстве «Молодая гвардия»).

Словом, судьба трижды подала знак, и значит, обойти ее было невозможно. Пришлось окунуться в историю. И постепенно до меня стало доноситься эхо далеких лет, эхо голоса певицы шереметевского театра крепостных...

Поиски продолжались, и приходилось все чаще обращаться в архивы (РГАДА), беседовать с потомками. Сергей Михайлович не только одобрял, но благодаря ему удалось посетить шереметевские места в Ленинграде, Александро-Невскую лавру, где упокоились многие Шереметевы. Побывали мы и в Институте Арктики и Антарктики, который размещался тогда в бывшем Фонтанном дворце Шереметевых.

Архивы, живые свидетели, семейные истории – всё это было... Однако документы сохраняют лишь частицу жизни, и потому, погружаясь в них, автор оказывается в мире воображения, а оно дает более полную картину былого. Это особенность исторической прозы, доступная, как считал Ю. Тынянов, документально-художественному жанру...

Очерки, рассказы, повести, документы, хронологии – и история династии возникает на фоне русской истории.

Книга же, как и рукопись, способна хранить то, что содержится в ней, десятки и сотни лет. Столь же долгой может быть и ее жизнь. А уж если она каким-то образом связана с историей, то есть в ней нашли отражение исторические события, жизнь выдающихся деятелей, великие географические открытия прошлого, рассуждения о системе государственного управления, словом, все то, что необходимо человеку, облеченному властью, для успешного правления, то судьба такой книги становилась достойной объемного детективного романа.

Еще киевские князья свои библиотеки причисляли к сокровищам. (До наших дней дошли книги из библиотеки Ярослава Мудрого, а это – XII век!) Книги – первое, что пытались спасти из огней пожаров: будь то пожар от горящей стрелы монголо-татарского воина или от уголька, выпавшего из печки. На любое крупное книгохранилище составлялись так называемые «перечневые» списки, в которые вносилось содержание исчезнувших или распавшихся от ветхости книг. В беспокойные времена некоторые государственные и политические деятели возили с собой личные архивы и наиболее важные с их точки зрения книги. А некоторые европейские правители прибегали к услугам тайных агентов для скупки книг. Древнегреческие кодексы (а так назывались рукописные книги) разыскивали не только по всей Европе, но и в турецких владениях, на развалинах византийской империи, и, в конце концов, они так поднялись в цене, что в погоне за ними посланцы римских пап и европейских монархов нередко прибегали к насилиям и ухищрениям. Для хранения книг создавались даже тайные братства...

На книги был спрос. Еще в древнерусском государстве их переписывали по заказу князей и горожан, бывали книги и для семейного чтения. После того, как в 1550 году Стоглавый собор (названный так по итоговому документу, который состоял из ста глав) указал на необходимость «грамоте учиться» и в приходах церквей стали открывать школы, «читателей» в России стало еще больше. Одной из самых распространенных книг для чтения становятся «Четьи-

Минеи» (иначе – «Жития Святых»). Пользовались популярностью и «Жизнеописания». По ним учился грамоте малолетний царь Петр Алексеевич. Книги воспитывали качества, необходимые достойному человеку, прежде всего – мужчине: стойкость, мужество, верность долгу...

Предлагаемая книга – повествование о людях, составивших славу Отечества. Род Шереметевых оставил след, пожалуй, на каждой странице истории России.

Шереметевы ведут свою историю с середины XIV века. Во всяком случае, именно с этого времени сведения о них сохранились в документах. (В конце XVIII века, когда по желанию императора Павла I составлялся Общий гербовник, чтобы подтвердить свое происхождение, необходимо было предъявить соответствующие документы.) Согласно легенде, их предок по имени Гланда Камбилла, происходивший из владетельного рода потомков прусского короля Прутено, прибыл на службу московскому князю.

Вероятно, по созвучию имя и фамилия Гланда Камбилла трансформировались на русский манер: Гланда превратился в Андрея (даже с отчеством – Иванович), а Камбилла в Кобылу. Боярин Андрей Кобыла действительно упоминается в русских летописях под 1347 годом. От его пяти сыновей пошло большое потомство – более 20 родов. Многие потомки Кобылы («Кобыличи») хорошо известны в отечественной истории – Романовы, Шереметевы, Сухово-Кобылины, Колычевы, Боборыкины и др.

Еще до того, как в русскую историю вошли Шереметевы, рядом с московскими князьями стояли потомки Андрея Кобылы – Федор Кошка и Константин Беззубцев. Первый был одним из ближних бояр князя Дмитрия Ивановича: он подписался как свидетель на его духовной грамоте, а это доверялось только проверенным людям. О Федоре Кошке, как о выдающемся политике, вспоминал в 1408 году казанский хан Едигей. До сих пор сохранилось Евангелие Федора Кошки с изображениями четырех евангелистов, написанных мастерами школы Андрея Рублева.

Второй принимал участие в походах против ордынцев, а при Василии II был главным воеводой во время похода на Казань. Его сын Андрей, по прозвищу Шеремет, в 1478 году принимал участие со своей дружиной в походе на Новгород.

Первое интермеццо («интермеццо» – музыкальный термин, означающий перерыв в заданной теме). Сделаем перерыв и мы...

Внук Дмитрия Донского – Василий II в начале своего правления не раз оказывался в положении «великий князь в изгнании». Первым, главным (и надо сказать, весьма достойным) претендентом на наследственный престол был его дядя – князь Юрий Звенигородский, а после смерти последнего – его сын – Дмитрий Шемяка. Перипетии этой долгой, запутанной феодальной войны изложены подробно в учебниках истории, но важно обратить внимание на одну особенность ситуации. Константин Беззубцев оставался верен великому князю при любых обстоятельствах. Семейная черта Шереметевых и их предков.

Великий князь Иван III к 1478 году решил окончательно «привести под свою руку» Великий Новгород. Сделать это было тем более необходимо, что правители этого вольного города всерьез подумывали о том, чтобы переметнуться к Казимиру Литовскому. В ноябре 1478 года произошла окончательная ликвидация новгородской республики, и вечевого колокол увозится в Москву.

Историк XVIII века Генрих Миллер утверждал, что «прозвание „Шеремет“ неизвестно отчего происходящее». Исследователь рода Шереметевых – А. П. Барсуков считал, что оно имеет сербские или турецкие корни и в доказательство этого утверждал, что имя Шеремет встречается в сербских песнях, а в Болгарии до сих пор одно местечко носит название Шеремет. Один же из турецких пашей XV века тоже назывался Шереметом. Так или иначе, но

Андрей Шерemet был последним родовым боярином. Позднее боярство стали жаловать за службу.

В правление Ивана IV оставили след многие из рода Шереметевых. Так, в «избранную тысячу» – привилегированное дворянское войско – были записаны Федор, Никита, Иван Васильевичи Шереметевы. Семен, Никита и Иван принимали участие в походе под Казань; против крымских татар; в Ливонской войне...

Никто из Шереметевых не был замешан в опричнине, но, учитывая отношение Грозного к боярству, легко представить, что царский гнев их не миновал. Известно, что Никита Васильевич был удушен по приказу царя. Иван Большой Васильевич, несмотря на то, что во время тяжелой болезни царя требовал немедленной присяги его сыну, младенцу Дмитрию, был ранен в сражении с Девлет-Гиреем, участвовал в Ливонской войне, – не раз впоследствии испытает на себе царский гнев, будет посажен в темницу, куда к нему, по словам Андрея Курбского, приходил царь, а в конце жизни примет постриг в Кирилло-Белозерском монастыре с именем Ионы. Он будет упомянут в послании Ивана IV игумену монастыря. Курбский считал, что Шереметева «уморили в монастыре по приказу царя». Во время опричнины Иван Васильевич служил в земщине. В 1567 году «ведал Москву».

В историю царствования Ивана IV вошла и Елена Ивановна Шереметева. Она была третьей женой старшего сына Ивана IV – царевича Ивана Ивановича. Елена Ивановна невольно послужила причиной его смерти. Как говорит предание, однажды Иван Грозный, неожиданно войдя в покои к снохе, застал ее одетой в «нижнее платье» и, «впав в гнев», ударил ее. Царевич заступился за жену, которая ждала ребенка. Царь ударил сына посохом, и через несколько дней царевич скончался.

Второе интермеццо

– таинственное. Так получилось, что имя Елены Ивановны оказалось связанным с одним из неразгаданных ребусов русской истории. До сих пор среди историков нет единого мнения о том, кто правил в Москве с июля 1605 по май 1606 года под именем Лжедмитрия I. Не рассматривая подробно все версии (в большей или меньшей степени фантастические), остановимся на одной из них. После трагической смерти мужа Елене Ивановне остается лишь один путь – в монастырь. Она принимает постриг в Новодевичьем монастыре в Москве под именем Леонидии (или Леониды). Позднее будет слух, что в монастыре у нее родился мертвый ребенок. В XIX веке один из исследователей Смутного времени обнаружил документ, где в перечне имен правивших царей встречается странное – инок Леонид... Что это? Ошибка? Фальсификация?

Это могла знать только Елена Ивановна Шереметева, семью которой постигла печальная судьба.

Не менее трагично сложилась жизнь Петра Никитича Шереметева. Во время свадьбы Ивана IV с Марией Нагой он был «мовником», то есть был с царем в мыльне (бане), что являлось в то время обязательной частью свадебного ритуала. Не меньшим доверием он пользовался и у царя Бориса Годунова: принимал участие в церемонии встречи датского принца, нареченного жениха царевны Ксении. В Смутное время, сражаясь с войсками самозванца в северских землях, не был лишен сомнений в правильности своего выбора. Известны его слова: «Трудно воевать с природным государем». Впоследствии он будет пожалован им в бояре, будет пировать на его свадьбе. В царствование Шуйского именно он по приказу царя привезет из Углича тело царевича Дмитрия. Петр Никитич не считал Шуйского законным царем, так как не было решения Земского собора о передаче ему престола, он делал ставку на князя Милославского и за это был отправлен во Псков воеводой, где вскоре удушен в тюрьме.

По образному выражению выдающегося историка XIX века Ивана Егоровича Забелина, «прямые и кривые в Смутное время» многих сбивали с верного пути. Василий Петрович Шере-

метев был стольником на свадьбе Лжедмитрия и Марины Мнишек. Считается, что при его участии был убит Прокопий Ляпунов; он принимал участие в заговоре против князя Д. М. Пожарского. Его родной брат Иван Петрович одно время воевал даже в войске атамана Заруцкого.

Третье интермеццо

– о Смутном времени. Оно берет начало со смерти царя Бориса Годунова и завершается воцарением династии Романовых. Временной отрезок – с 1605 по 1613 год. Оставим в стороне пересказ событий этого периода, отметим лишь одну деталь – в это время появлялись яркие личности: удачливые авантюристы, талантливые полководцы, опытные царедворцы... Их боялись, они пользовались уважением, с ними считались или стремились убить. Всем известны имена Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина – организаторов второго ополчения, в Нижнем Новгороде. Но ведь было и первое ополчение, берущее свое начало в Рязани. С этим ополчением и связаны имена Прокопия Ляпунова и Ивана Заруцкого.

В марте 1611 года ополчение подошло к Москве. Оно было очень небольшим. Правда, оно увеличилось за счет москвичей, но в большинстве это были не воины. В начале апреля ополченцы перешли Яузу и захватили большую часть стены Белого города. Поляки удерживали лишь Кремль, Китай-город, Новодевичий монастырь. Осаждающие создали свое правительство «Совет всея земли». Ведущую роль в нем играли Ляпунов и Заруцкий, но единства между ними не было, да и военные действия ополчения осложнялись множеством факторов: взятием Смоленска поляками, взятием Новгорода шведами... Среди казаков, бывших в ополчении, началось мародерство. С мародерами расправлялись жестоко. Этим и воспользовались в лагере противника: подкинули письмо, якобы составленное от имени Ляпунова, в котором он писал об истреблении всех казаков, как зачинщиков всяких смут и беспорядков. Письмо было прочитано вслух, Прокопия Ляпунова призвали к ответу. Ни объяснения, ни оправдания выслушаны не были, и Ляпунов был зарублен. Но каким образом попало письмо в лагерь ополченцев? Кто подготовил почву для бунта в войске? Может быть, здесь не обошлось без Василия Петровича Шереметева?

Судьба Ивана Заруцкого, с чьим именем в какой-то степени связано и имя Ивана Петровича Шереметева, сложилась еще более трагично. В июле 1612 года он ушел в Коломну к Марине Мнишек и «воренку» (ее сыну от Лжедмитрия II), и с тех пор его честолюбивые замыслы были связаны с этой женщиной. Если бы Заруцкому удалось развязать гражданскую войну, то неизвестно, как бы сложилась судьба новой династии. Но трудно было в уставшей от долгих лет беспорядка и беззакония стране найти свежие силы, способные и, главное, готовые вновь ввязаться в боевые действия. Заруцкого не приняли даже донские казаки, тогда он отправился в Астрахань и попытался втянуть в русские дела персов с турками, а сам хотел по Волге идти на Москву. В конце концов схваченного Заруцкого привезли в Москву и посадили на кол.

Наиболее яркий след в Смутное время оставил Федор Иванович Шереметев. Он принимал участие в обороне Кром от Самозванца, но, как и многие другие, в мае 1605 года принес ему присягу и был пожалован им в бояре. Но кого в то время останавливала присяга, принесенная самозванцу? В ночь на 17 мая 1606 года в Москве начался мятеж. На подворье Шуйских собрались дворяне-заговорщики и боевые холопы. В четыре часа утра ударил колокол у церкви Ильи Пророка на Новгородском подворье. Толпы народа хлынули на Красную площадь, где уже находились вооруженные дворяне, которых возглавлял Федор Иванович Шереметев. Он поддерживал патриарха Гермогена, считавшего необходимым избрать на царство русского царя. Входил в «семибоярщину» – орган, призванный управлять государством до выборов нового царя. Члены этого правительства решили положительно вопрос о приглашении на русский престол польского королевича Владислава. 27 августа 1610 года москвичи торжественно присягнули ему. Владислав должен был принять православие в Смоленске и в Москву прибыть уже

православным; королевич должен был взять с собой из Польши лишь небольшое число необходимых ему людей; не должен был изменять прежний титул московских царей; жениться на девице православной веры; города, занятые поляками, «очистить». Таким образом, формально возведение на престол Владислава могло быть благом для московского государства.

Вступление в Москву поляков под командованием гетмана Жолкевского вызвало естественное недовольство у населения. Предотвратить тогда бунт помогли уговоры Федора Ивановича, который в конце концов оказался запертым вместе с частью польского гарнизона в Кремле. На протяжении всего «осадного сидения» он заведовал Казенным двором.

После освобождения Москвы Вторым ополчением Федор Иванович не раз принимал участие в переговорах и с поляками, и со шведами.

Именно Федор Иванович в 1613 году склонял Земской собор к избранию новым царем Михаила Романова, что и было сделано, несмотря на сопротивление матери Михаила – инокини Марфы.

В 1618 году Федор Иванович вел переговоры с Польшей о заключении мира. За это он получил награды: шубу соболью с золочеными пуговицами; кубок серебряный золоченый; прибавку к жалованию в размере ста рублей; вотчину с крестьянами и 500 четвертей земли.

Четвертое интермеццо

Так сложилось, что, изучая историю, мы чаще всего судим о событиях с точки зрения «централизованного государства», то есть как они происходили в Москве и как о них в Москве судили. А ведь бывало, что судьба России решалась далеко от Москвы, и люди, которые эту судьбу вершили, судили о происходящем совсем по-иному, чем в столице. Не случайно сейчас столь большое внимание уделяется исследованиям региональной истории.

...Кратчайший путь из Польши в Москву лежит через Смоленск, Вязьму, Можайск. Однако в 1604 году Лжедмитрий пошел кружным путем, через Чернигов и Новгород-Северский. Сделано это было не случайно. Еще со времен Ивана III здесь строились многочисленные крепости и остроги, предназначенные для защиты южных рубежей как от поляков, так и от крымских татар. По всей вероятности, Лжедмитрий рассчитывал на низкую дисциплину в гарнизонах, задержку жалования и надеялся легко найти здесь союзников. В такой ситуации особое значение приобрела маленькая крепость Кромь, оказавшаяся в тылу правительственной армии. Город окружали болота, через которые проходила только одна дорога. Сам же город с посадом был укреплен по образцу московских крепостей: снаружи высокий и широкий земляной вал, а внутри – бревенчатая стена с башнями и бойницами. Гарнизон состоял из двухсот стрельцов. Перед началом осады в крепость прибыл атаман Корела, сторонник Лжедмитрия, с четырьмя сотнями донских казаков. Известие о смерти Бориса Годунова и присяга его сыну Федору спровоцировали мятеж, вспыхнувший 7 мая 1605 года. На помощь мятежникам подошли войска самозванца, который распустил царское войско.

Шереметевы всегда находились в центре событий военных и политических. В течение второй половины XVII века Россия старалась урегулировать отношения одновременно с Польшей, Турцией и ее вассалом Крымским ханством.

А впереди был XVIII век – «столетье безумно и мудро» – сложное и противоречивое время. Сложными и противоречивыми были и судьбы людей этого времени. О самых ярких, значительных личностях читателям предстоит узнать.

Часть первая

Преданья старины глубокой (по материалам М. Ковалевой)

*Река времен в своем стремленье
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.*

Эти мудрые, исполненные горечи строки Державина верны лишь отчасти.

Это было так давно, что, кажется, и не было вовсе... Однако, вглядываясь в туманную даль времени, можно разглядеть и то, что плотно скрыто от нас. Могучие кони, тяжелые доспехи, замки, вырубленные в скалах... Как далеко это от России, от русской истории... Но воскликнем вслед за героем другого великого писателя: «Как причудливо тасуется колода!» (М. Булгаков). Если бы король Прутен, живший в одиннадцатом веке, чьи владения простирались вдоль побережья Балтики, не решил оставить королевство брату своему Вейдевуту, а сам не «определился бы ко идолослужению... при слиянии двух рек, на равнине у священного вечнозеленого дуба необыкновенной величины и красоты»; если бы потомок его Гланда Камбилла не «решился покинуть свою родину, когда рыцари тевтонского ордена начали теснить племена Восточной Пруссии», то не оказались бы вписанными на скрижали истории многие славные ратными подвигами и государственными делами имена Коновницких и Колычевых, Романовых и Шереметевых. Все они, получая право на официальный герб, представляли в департамент Герольдии документы, подтверждающие их родословные. Гланда Камбилла был их общим предком. В 1283 году «Гландос Камбилла Дивонов сын, сам прииде к московскому великому князю Даниле Александровичу и тот его крестил...»

Этот год был тяжким для Москвы. Почти пятьдесят лет прошло с того страшного декабря 1238 года, когда на северо-восточную Русь обрушилось монголо-татарское нашествие. Тогда вихрь его пронесся и над Москвой, разрушив ее. Но шло время. Сюда, в край глухих лесов и полноводных рек стекались оставшиеся без крова и защиты люди из разоренных владимирских, суздальских, муромских, рязанских, смоленских, полоцких, черниговских земель. Город довольно быстро оправился от разорения, а в конце XIII столетия в Москве появился свой князь Даниил Александрович, младший сын Александра Невского. Территорию Московской земли в то время можно было сравнить с маленькой частью современного Подмосковья. Князю Даниилу удалось значительно расширить границы княжества, заложить основы его могущества. Но... система монголо-татарского ига включала обязательную составляющую – «рати», т. е. кратковременные набеги. Одна из таких ратей – Дюденева – и обрушилась на Москву и ее окрестности в 1283 году. И, верно, кстати пришлось боевой опыт и крепкая рука нового воина.

Сын Даниила Александровича – князь Юрий – закрепил за Москвой город Можайск, в его планы входило и предъявление прав на «старшинство» среди русских князей. Но был на Руси еще один город, который претендовал на «звание старшего». Этим городом была Тверь. Началась многолетняя ожесточенная и кровавая борьба за великокняжеский престол. Военная сила, дипломатия, интриги, подкуп, предательство – все было пущено в ход. Но кому быть победителем, решала Орда, сообразуясь со своей выгодой. И ярлык на великое княжение выдавался попеременно то Москве, то Твери. Не однажды две русские рати сходились в смертельной схватке друг с другом.

В 1340 году ярлык на великое княжение от хана Узбека получил московский князь Симеон Иванович. Он по праву считался сильнейшим среди русских правителей. Об этом гово-

рит и прозвище его – Гордый. Он стремился продолжать политику отца – князя Ивана Калиты – оберегать «тишину великую». Он старался не ссориться с Ордой, да и с соседями сохранял мирные отношения. Главным противником его в то время была Литва... А что же Тверь? В 1347 году в Тверь от великого князя московского едут сваты просить тверского князя Александра отдать за Симеона Ивановича его дочь Марию. Возглавлял посольство Андрей Кобыла.

В сентябре 1380 года Федор Кошка оставался в Москве: свое семейство московский князь доверял только проверенным людям.

Сын Дмитрия Донского Василий I сумел упрочить положение Москвы как центра русских земель. Многие князья, еще сохранившие свой суверенитет, вынуждены были в той или иной мере подчиниться ему. Но... процесс объединения русских земель был приостановлен. Начался процесс, оставшийся в истории России как «феодалная война». Права на великокняжеский престол оспаривали друг у друга десятилетний Василий II (внук Дмитрия Донского) и его дядя – Юрий (сын Дмитрия Донского). Но скажи, уважаемый читатель, кто, по-твоему, надежнее на престоле: мальчик или взрослый мужчина, одержавший не одну победу над врагом, имеющий сыновей? Однозначного ответа на этот вопрос нет сейчас, не было и в пятнадцатом веке. Иначе не тянулась бы эта война с переменным успехом около тридцати лет, принесла разорение земель, упадок многих городов, ордынские набеги. В ходе ее стали применяться массовые казни. Василий II, приказавший выколоть глаза своим противникам, попал в плен к двоюродному брату Дмитрию Шемяке и сам был ослеплен, получив после этого прозвище «Темный».

В это непростое время в окружении великого князя находились люди, которые придерживались однажды принятого решения: служить великому князю, получившему княжение по завещанию. Среди них был и потомок Федора Кошки – Константин Беззубцев. В 1450 году он был наместником в Коломне. Тогда и пришло к нему известие, что на Русь с «Поля» движется Малым Бердей с татарскими князьями и «многими татарами».

Годы «тишины великой», когда почти сорок лет не топтал русскую землю татарский конь, пришлось на правление князя Ивана Калиты, его сына – Ивана Красного и внука – князя Дмитрия.

Пользуясь «мирной передышкой» для укрепления и объединения Руси вокруг Москвы, князья знали, что конец ей непременно наступит. Уже не было у Москвы заработанного Калитой былого покровительства могущественных ханов. «Замятня» в Золотой орде привела к потере силы и авторитета центральной власти. Алчные татарские «царевичи» начали самостоятельные набеги на русские земли. Обострились отношения и между русскими княжествами. Появилась угроза и из-за западных рубежей: стремился распространить свою власть и влияние на русские земли литовский князь Ольгерд Гедиминович...

В 1365 году на Москву обрушилась беда – разразился небывалый так называемый «Всехсвятский пожар». От маленькой свечечки, поставленной в церкви Всех святых, запылала Москва. Сгорел дубовый кремль Ивана Калиты, и город остался без крепости. «Еже умыслише, то и сотворише». Решение князя Дмитрия возвести у подножья Боровицкого холма белокаменные стены горячо поддержал митрополит московский Алексей, двоюродный брат и верный друг Владимир Андреевич Серпуховской, старейшие московские бояре, среди которых был и Федор Кошка, чья подпись была и на духовной грамоте Дмитрия Донского.

За Тулой и Рязанской землей начиналось обширное степное пространство, тянувшееся до берегов Черного, Азовского и Каспийского морей, на котором оседлому населению Руси не удавалось обосноваться прочно и где господствовали татары, гнездившиеся и в Крыму, и на нижней Волге. На востоке, за средней и верхней Волгой, господствовали татары Казанского царства, отделившегося от Золотой Орды в первой половине четырнадцатого века.

Сложными были отношения Руси с Золотой Ордой. За столетия ига какими только нитями не оказались связаны русские и татарские правители. Царевичу Касиму за верную

службу Василию Темному был пожалован в удел на берегу Оки городок, названный с того времени Касимовым. Отсюда и потянулись нити заговора в Казань: казанские вельможи желали свергнуть царя Ибрагима и лучшей кандидатуры, чем касимовский царевич, для этого найти было трудно. В Москве тоже считали, что настал удобный момент присвоить себе власть над опасной Казанью. Войска Василия Темного выступили из Москвы. Касим указывал им путь. На этот раз поход окончился неудачей. Не раз и не два войско московского князя будет сталкиваться с казанцами. В 1469 году рать двинулась к Казани водным путем. Из Москвы, Коломны, Владимира, Суздаля, Муромы двинулись суда. Сначала по Оке, затем соединились с теми, кто плыл по Волге, а это были дмитровцы, можайцы, угличане, ростовцы, ярославцы, костромичи. Такой флотилии на Руси еще не видели. Главным предводителем войска был назначен Константин Александрович Беззубцев.

Но провидение распорядилось по-своему: умер царевич Касим – виновник этой войны. Жена его, мать Ибрагима, взялась склонить сына к дружбе с Россией, и великий князь надеялся смирить Казань без воинских усилий. Но остановить русское войско в желании посчитаться с татарами не так-то просто. И, хотя главный воевода и объявил волю государя, ответ был единоголосным: «Мы все хотим казнить неверных». Прекрасно понимая чувства ратников, Беззубцев позволил охотникам (т. е. вызвавшимся добровольно) «искать ратной чести». В тот раз, вопреки распоряжению, были сожжены и разграблены предместья Казани, что вызвало осложнение для основной части войска. Лишь в 1469 году, осенью, был предпринят новый поход на Казань, в результате которого был заключен мир «на всей воле государя Московского», т. е. царь Ибрагим соглашался исполнить все его требования. Была возвращена свобода русским пленникам, захваченным в течение сорока лет.

Еще одной «горячей точкой» на карте Руси в то время был Великий Новгород.

Издревле независимый, успешно торгующий, этот город не раз становился целью вождений московских князей.

В 1470 году в Новгороде были страшные знамения: сильная буря сломала крест на куполе церкви Святой Софии; колокола в монастыре на Хутыне сами собой издавали печальный звук; кровь выступала на надгробиях... Кое-кто объяснял это тем, что новгородские правители хотели союза с литовским князем Казимиром IV. В то время особую власть в Новгороде забрала вдова посадника Исаака Борецкого – Марфа. Властная и честолюбивая, она хотела освободить Новгород от власти великого князя, выйти замуж за одного из литовских вельмож и вместе с ним от имени князя Казимира управлять городом. В один из дней сыновья Марфы-посадницы явились на вече и заявили, что Великий Новгород сам по себе властелин, что жители его вольные люди, что им нужен только покровитель и лучше Казимира Литовского им не найти. Вот как описывает это событие Николай Михайлович Карамзин: «Громогласное восклицание: „Не хотим Иоанна! Да здравствует Казимир!“ – служило заключением их речи. Народ восколебался. Многие взяли сторону Борецких и кричали: „Да исчезнет Москва!“» Все эти события сильно встревожили великого князя московского Ивана III, ведь со времени правления Симеона Гордого московские князья именовались «государями всея Руси», и свою цель он видел в том, чтобы ликвидировать уделы, создать могучее, единое государство. И сделать это, по возможности, без пролития крови соотечественников. К сожалению, не всегда это удавалось. 1478 год был последним годом Новгородской вольности. Результатом похода великого князя стала ликвидация вече, выплата Новгородом контрибуции Москве и снятие вечевого колокола. В этом походе со своей дружиной принимал участие Андрей Шеремет, чье прозвище легло в основу знаменитой фамилии. Великокняжеская благодарность Шеремету выразилась в пожаловании ему села Чиркино, расположенного недалеко от Коломны.

Река времен

Как в бурю листья на деревьях повертываются изнанкой, так смутные времена в народной жизни, ломая фасады, обнаруживают задворки, и при виде их люди, привыкшие замечать лицевую сторону жизни, невольно задумываются и начинают думать, что они доселе видели далеко не все. Это и есть начало политического размышления.

В. Ключевский

Великий князь Иван III Васильевич (1440–1505)

...В те далекие времена миром и людьми правили не законы и указы, и даже не религия: царили природа и климат. И потому колыбелью цивилизации стало теплое Средиземное море. Там процвела необыкновенно Греция, потом Рим, да и христианская цивилизация началась тоже на берегах Средиземного моря. И удивительно ли? – на востоке Европы росли густые-прегустые леса да изредка проглядывали поселения, а на юго-западе, в Италии, великий Данте писал свою «Божественную комедию».

Однако люди наделены неистребимой волей к познанию, любопытством – и вот они устремились на восток. На пути – Днепр, Киев, а от него идет «путь из варяг в греки». Великий Новгород не пожелал признавать власти Киева – и отделился, стал республикой, – так писал Лев Гумилев. А вокруг Киева бушевали страсти, киевские князья бились то с черниговскими, то с иными.

Шумно и тесно стало там в XII–XIII веках. Юрий Долгорукий, получивший от отца земли на северо-востоке Руси, все еще стремился в Киев. Сын же его – Андрей Боголюбский вполне оценил Ростово-Суздальские земли; сделал столицей княжества Владимир, где его тцанием появлялись белокаменные храмы (кто не помнит храм Покрова на Нерли!). Но не поделив власть с боярами, он был убит в селе Боголюбово (когда-то меня взял с собой в поездку Сергей Михайлович Голицын и показал это место).

Если взглянуть в те края, то сквозь буйно растущие леса, сквозь дым пожарищ и ржанье лошадей кочевников можно увидеть другую реку, более широкую и приветливую. На берегу ее обосновался боярин Кучка со своей дочкой Ульяной, которая бегала по взгоркам, любовалась окрестностями, отражениями в воде – целых семь холмов! А вот и Москва уже поднялась!

Династия московская, начавшись с князя Даниила, продолжилась Иваном Калитой, выстроившим «град дубов», – и началось строительство будущей русской столицы, славного города Москвы. Возможно, что дети, отроки первых поселенцев читали (а может быть, им читали отцы) летописи. Из летописей вставляли запоминающиеся навсегда картины:

«О светло-светлая и прекрасно украшенная земля Русская! Многими красотами одарена ты: озерами многими славившись, реками... и холмами крутыми, высокими дубравами и чистыми полями, дивными зверями... разнообразными птицами... храмами божьими и князьями грозными и боярами честными... Всем ты преисполнена земля Русская, о правоверная вера христианская!..» Много позднее их будет читать и будущий великий князь Иван III.

Летописи, рассказы об ордынках, о власти Батые, Ахмата и прочих ханов, о разграблении ими русских земель западали в душу юного князя. Однако нрава, похоже, он был мирного, спокойного, хотя и твердого. Сохранилась немецкая (!) гравюра того времени. На нем железная кольчуга, поверх меховая накидка, борода немалая, фигура осанистая, лицо истинного великого князя, вдумчивого и разумного. Кроме спокойного нрава, князь рано научился складно говорить, так, чтобы его слушали.

Словом, Ивана Васильевича называли Великим. Историк М. М. Щербатов называл великого князя предшественником Петра I. Карамзин тоже отводил огромную роль Ивану III.

Иван Васильевич предпочитал покорять окрестные города не силой оружия, а словом, убеждением, хотя без выстрелов тоже не обходилось. И самым твердым орешком, конечно, был Великий Новгород. А его тем более не следует доводить до буйных набегов и битв. Там есть ВЕЧЕ – вот где следует говорить с правителями и с народом...

Эта книга – не учебник истории, мы цитируем подлинные литературные тексты, которые когда-то читали и представители избранной династии – Шереметевых. Это был и вопрос религии, веры: остаться Новгороду на западе – значит отдаться вере латинян. И князь находил

особые, убедительные слова, чтобы склонить новгородцев на свою сторону. Он страшился, что этот своевольный народ отречется совсем от власти московской Руси.

Но великий князь в юности сам жила в Новгороде, хорошо его знал, и потому слова его были убедительны: «Довольно распрей и междоусобиц!» – обращался он к новгородцам.

«Правление Новгородское тогда в такой беспорядок впало, что всякой, не повинуюсь ни законам, ни обычаям, делал насильем все, что мог; и самая жизнь гражданская от наглости сильных граждан ни на час не была в безопасности, и бедные и слабые стонали от нападков сильных, которые не устыжались явным образом грабить и разорять».

«Вотчина моя, люди новгородские, изначально: от дедов, от прадедов наших, от великого князя Владимира, крестившего землю Русскую, от правнука Рюрика, первого великого князя в вашей земле. И от того Рюрика и до сегодняшнего дня знали вы единственный род тех великих князей, сначала киевских, и до самого великого князя Дмитрия-Всеволода Юрьевича Владимировского, а от того великого князя и до меня род этот, владеем мы вами, и жалуем вас, и защищаем отовсюду, и казнить вас вольны, коли на нас не по-старому начнете смотреть».

Однако Новгород не покорился (писал Щербатов), нанимал злых смердов, убийц, мошенников и прочих безродных мужиков, что подобны скотам, несколько разума не имеющим, но только один крик... Они приходили на вече, били в колокола, кричали, лаялись, точно псы, говоря нелепое: «За короля хотим, за его веру!»

«Князь же великий, прослышав об этом, впал в скорбь и тужил о них немало: „Когда и не были еще в православии, от Рюрика, и до великого князя Владимира, не отходили к другим государям, а от Владимира и вплоть до сегодняшнего дня знали один его род и управлялись великим князем во всем, сначала киевским, потом владимирским, а теперь, в последние годы, все свое благочестие хотят погубить, от христианства к католичеству отступая“».

Иван III на соборном вече говорил спокойно, веско и убеждал новгородцев:

«Новгородцы, быв всегда старшими сынами России, вдруг отделились от братьев своих; быв верными подданными князей, ныне смеются над их властью.

Вольность!.. но вы тоже рабствуете. Народ! я говорю с тобою. Бояре честолюбивые, уничижив власть государей, сами овладели ею... О стыд! потомки славян ценят златом права властителей! Роды княжеские, издревле именитые, возвысились делами храбрости и славы, а ваши посадники и торговцы не желают думать о крепости большой Руси, но только о выгоде».

Великий князь призывает «усилить Россию твердым соединением частей в целое, чтобы она достигла независимости и величия, то есть чтобы не погибла от ударов нового Батыя или Витовта; тогда не уцелел бы и Новгород: взяв его владения, государь московский поставил одну грань своего царства на берегу Наровы, в угрозу немцам и шведам, а другую за Каменным Поясом, или хребтом Уральским, где баснословная древность воображала источники богатства и где они действительно находились во глубине земли, обильной металлами, и во тьме лесов, наполненных соболями... Историк русский, любя и человеческие и государственные добродетели, может сказать: „Иоанн был достоин сокрушить утлую вольность новгородскую, ибо хотел твердаго блага всей России“».

Иван III собирает боярскую думу и говорит все так же убедительно, и сторонников его (а думцы считают себя равными великому князю) становится все больше и больше. Тогда-то и обошел, видимо, слух о том, что более всех боярских шапок было у Шереметевых.

Покорение Новгорода длилось не месяц и не два, и в походе принимал участие Андрей Шеремет, а сопротивление новгородцев, таких как Марфа-посадница, как «Вадим», вошло в русскую классику.

Освежим в памяти Карамзина

«Еще продолжается молчание. Чиновники и граждане в изумлении. Вдруг колеблются толпы народные, и громко раздаются восклицания: „Марфа! Марфа!“ Она всходит на железные ступени тихо и величаво, взирает на бесчисленное собрание граждан и безмолвствует... Важность и скорбь видны на бледном лице ее... Но скоро осененный горестию взор блеснул огнем вдохновения, бледное лицо покрылось румянцем, и Марфа вещала:

„Вадим! Вадим! здесь лилась священная кровь твоя; здесь призываю небо и тебя во свидетели, что сердце мое любит славу отечества и благо сограждан; что скажу истину народу новгородскому и готова запечатлеть ее моею кровию. Жена дерзает говорить на вече: но предки мои были друзья Вадимовы; я родилась в стане воинском под звуком оружия; отец, супруг мой погибли, сражаясь за Новгород. Вот право мое быть защитницею вольности! Оно куплено ценою моего счастья...“

„Говори, славная дочь Новаграда!“ – воскликнул народ единогласно – и глубокое безмолвие снова изъявило его внимание.

„...когда Рюрик захотел самовольно властвовать, гордость славянская ужаснулась своей неосторожности, и Вадим Храбрый звал его пред суд народа. „Меч и боги да будут нашими судьями!“ – отвечивал Рюрик, – и Вадим пал от руки его, сказав: „Новгородцы! на место, обогрешенное моею кровию, приходите оплакивать свое неразумие – и славить вольность, когда она с торжеством явится снова в стенах ваших...“ Исполнилось желание великого мужа: народ собирается на священной могиле его свободно и независимо решить судьбу свою.

Я не дерзну оправдывать вас, мужи, избранные общеою достоверностью для правления! Клевета в устах властолюбия и зависти недостойна опровержения. Где страна цветет и народ ликует, там правители мудры и добродетельны. Как! Вы торгуете благом народным? но могут ли все сокровища мира заменить вам любовь сограждан вольных? Кто узнал ее сладость, тому чего желать в мире? разве последнего счастья умереть за отечество!“»

Стояние на Угре (1480)

...В русской истории были три ключевых момента: это X–XI века, это время Ивана III (решающий момент возвышения московского царства) и годы Великого Петра, который ворвался в западную Европу, перекроил старую Русь и создал империю. Иван III присоединил к московской Руси семь городов: Ярославль, Ростов, Рязань, Пермь, Вятка... Противостоял Новгород. Сопротивлялся Псков. Князь Иван трижды высылал к ним посольства по весенней распутице, но переговоры срывались – «живых поймаша и с собою сведоша». В присоединенных городах царь ставил своих людей, в числе таковых были и Шереметевы.

А впереди было великое стояние на Угре. Доносились слухи, что хан Ахмат собирается со всей силой напасть на русских и уже не один год готовится.

Медленно двигалась Орда по дикому полю. Русские тоже готовились. 23 июня 1480 года зазвенели колокола – это означало, что во главе русских выступает сам князь Великий Иван Васильевич.

Не один месяц стояли русские возле Оки и притока ее – Угры. И наблюдали, как по противоположному берегу гарцевали на конях ордынцы, запугивая русских.

Великий князь до сентября оставался в Москве, нет-нет да беседуя с боярами. В церквях молились, просили князя «великим молением» возглавить власть.

Близилась осень. Уже несколько месяцев продолжалось стояние на реке Угре. Но хан Ахмат не дождался помощи от литовского князя Казимира, не рискнул идти в «лобовое» столкновение.

А Иван Васильевич продолжал выжидать. За несколько осенних месяцев русские стали понимать тактику, сплотили ханское войско, то скользя бросались в наступление, то поворачивали коней назад... и ордынцы повернули коней.

Стояние на Угре стало не просто удачным маневром великого князя, но – не оно ли повлияло на все будущее русской военной тактики?

И не повлияло ли на формирование вообще русского характера? Не тогда ли укрепилось русское терпение, умение выжидать и тем временем готовиться к наступлению?..

Велика роль Ивана III в создании единого государства. В присоединенных городах и землях царь ставил своих людей, воевод и бояр, начальников. В числе таковых были и Шереметевы.

В конце жизни царь женился во второй раз, и женой его стала византийская принцесса София, теснее стало общение с христианским миром. София для этого много сделала: вызвала итальянских мастеров строить и украшать Кремль. В какой-то степени открылось окно в Европу. Однако нашлись ретрограды, противники, возненавидевшие новшества, пошли споры, раздоры и распри. Умирает уже взрослый сын Ивана III «Иван Молодой», и недругам царя вздумалось обвинить в его смерти Софию. Она к тому времени родила мальчика и якобы хотела, чтоб он стал единственным наследником. У слухов таких и сплетен нашлось образное определение – «злые ехи».

Все это не могло не повлиять на отношения супругов. Рассудительный, всегда поступавший честно Иван Васильевич впал в тоску-уныние...

А тем временем уже подрастал его внук, будущий Иван I V, который ничуть не похож на деда. Уж он-то отыграется на непослушных, уж он-то все сделает как надо!.. Распри, раздоры, «злые ехи» будут еще долго мешать русскому престолу.

Хоронили Ивана III с великим плачем...

Три брата Шеремета и Елена Прекрасная

Царь Иван Васильевич Грозный (1530–1584)

Шестнадцатый век вошел в историю как век жестокий. В Европе разразилась война между католиками и гугенотами, и за одну «варфоломеевскую ночь», по примерным сведениям, было убито более 20 тысяч человек.

Давно ли, при Иване III бояре в думе спорили с царем, советовали, не соглашались? Но Грозный решил всех бояр превратить просто в подданных. Малейшее сопротивление вызывало у него озлобленность, и следовали новые, беспощадные указы.

В Думе было не один, а несколько бояр с фамилией Шереметев. Это опасно, решил подозрительный царь, не задумали бы они сместить властителя...

Иван Большой Шереметев служил воеводой в Муроме, был окольным, принимал участие в походах на Казань, участвовал в Ливонской войне. В 30-е годы царь послал его с войском против «крымцев». Словом, Шереметев был верным помощником царю.

Брат Большого – по имени Иван Васильевич Меньшой – был отчаянный вояка. Куда посылали – везде показывал себя храбрецом; причем не просто воевал, он, похоже, любил воинское дело. А может быть старался заслужить одобрение царя, так как его дочь Елена стала женой царского сына Ивана.

Был еще один Шереметев в Думе – Никита, тоже в чем-то противился царю – и тот велел его задавить прямо на глазах у боярского собрания.

(Тут следует перекинуть мостик к XX веку. В 1994 г. вышла моя первая книга на эту тему, мы отослали несколько экземпляров потомку в Америку. Адресат ответил мне благодарственным письмом, даже сделал кое-какие пометки, уточнения в книге. Оказалось, что он – прямой потомок того самого Шереметева, Никиты.)

Но – вернемся к Елене Прекрасной. Явилась она на свет хорошенькой большеглазой девочкой, а к шестнадцати годам стала просто красавица, с робкой улыбкой на устах и с особенным, затуманенным взглядом. Как говорил мне тот же С. М. Голицын, Шереметевых отличали именно затуманенные глаза, а Голицыных – большой хрящеватый нос.

Сын грозного царя увидел Елену либо на службе в соборе, либо на площади в Кремле. Повела она своими синими очами, а молодой князь уже не спускал с нее глаз. Был он невестел, ибо похоронил свою первую жену, доведенную до смерти грозным отцом. А тут – словно облачко на него опустилось.

Венчание и свадьба состоялись зимой 1580 года. Народ, как всегда, ликовал, священники читали торжественные тексты. Родители поздравляли молодых.

Молодые поселились в кремлевских палатах.

А тем временем и отец, и дядя Елены яростно воевали, отстаивая границы русской земли.

Шереметев Большой, двигаясь к югу, получил известие, что хан Девлет-Гирей идет на Москву, через Тулу. У Шереметева было всего около девяти тысяч войско, а у противника в несколько раз больше. Однако Шереметеву (по-видимому, он был наделен дипломатическими способностями) удалось договориться и склонить многих на свою сторону и избежать таким образом пролития крови – как настоящий военачальник, он заботился о солдатах. И что же? Конечно, нашлись царские доносители, которые изобразили все так, чтобы разбудить гнев царя против Шереметева.

Царь не знал предела своей злобе, сдерживаться он не умел и не желал.

А еще у него была такая черта: ругмя ругать, оскорблять, а потом иной раз каяться. И с какой страстью, с каким слезливым раскаянием просил он прощения! Курбский откровенно писал царю: «Ты то чрезмерно уничижаешься, то выше всякой меры превозносишься».

Сегодня медики таким психическим срывам, особенностям ставят диагноз: циклотимик!

Перед Старшим Шереметевым царь не каялся и не просил прощения. Он засадил его в кремлевскую тюрьму и велел положить на его шею, плечи, грудь пуды железа.

Да, не было согласия у царя с боярами, мира не было. Царь сослал Шереметева на север, но писал ему грубые, злобные письма: «Ты предать меня вздумал? Золото имеешь, а теперь место мое хочешь занять, власть мою получить бисовесно. Не бывать такому!» Тот не оставался в долгу. А во время войны с Ливонией Грозный жаловался: «Кабы вы не претыкались, я бы уже и Германию сделал православной, всех покорил».

Аппетиты царя простирались далеко: не понимал он, что Россия – страна медленная, и с ходу, с бухты-баряхты, без надлежащей подготовки ничего не получится.

Какова же судьба Ивана Шереметева Меньшого (разумеется, умноженная на характер)?

Тот был прирожденный воин. Выходя из одного жаркого боя, он тут же рвался в другой, и словно удесятерялись его силы. Он сражался и с Девлет-Гиреем, и с немцами. Он широко использовал «гуляй-город», когда несколько телег, укрепленных орудиями и щитами, соединяли, и получалась крепость, которую уже не остановить.

Один современник писал: «Этот Иван такой необузданный и хитрый человек, что его все боялись, даже русские. Если кто пятился назад, отступал, он кидался как бешеный с криком „Ловите их, ловите!“ И еще он похож был на медведя. Даже когда был ранен, рвался в бой».

Должно быть, с него, Ивана Меньшого, появилась шереметевская фраза: «Не ярится, но неукротим!»

Шереметев-Меньшой в 1572 году разбил крымских татар на реке. Молодой, талантливый полководец, он обладал богатырской силой и еще – необычайной вспыльчивостью. Он был непобедим и даже неподвластен гневу Грозного. Всего израненного, привезли Ивана Меньшого в Кремль к царю, и тот был вынужден признать его подвиги и храбрость...

И вновь у царя случился приступ циклотимии. Он повелел настоятелю монастыря вписать имя Шереметева для вечного поминовения в синодик Успенского собора и каждую неделю возглашать его имя.

А Иван Меньшой был убит при штурме Ревеля в 1577 году. Погребен в Кирилло-Белозерском монастыре, где под именем Ионы содержался его старший брат.

Она в тот год пребывала в страхе. Дело в том, что у Грозного приступы злобы и гнева совпадали с жарой. Он не выносил жары, а в Кремле всегда жарко топили. И вот что произошло однажды. Ни за городом, в Александровой слободе, ни в Кремле московском не находили прохлады.

Что говорить о Елене, которая была уже в положении? В комнате стояла духота, и ее супруг выскочил на крыльцо, чтобы дыхнуть свежего воздуха, освежиться. Елена, оставшись одна, убрала головной убор, стягивавший голову, и сняла верхнее платье.

Надо было случиться, что именно в ту минуту царь, озверевший до крайности, перебегая из палаты в палату в поисках прохлады, быть может, даже перепрыгивая, опираясь на посох, как в чехарде, очутился возле комнаты снохи и толкнул дверь.

Перед ним предстала Елена без верхнего платья – и это привело царя в ярость. Он вонзил свой посох в ковер под ногами и закричал диким голосом:

– Что?! В исподнем перед государем?! – Слова вырывались с бешеной силой, плевки достигали ее платья. О, как она боялась этого голоса, его крика!

Услыхав крики, прибежал супруг и, увидев такую картину, бросился на отца, пытаясь вырвать посох из его рук.

– Не смей! – вскрикнул он. – Не смей! Ты уже погубил мою первую жену! Не позволю!

Грозный зарычал, как дикий зверь. Между отцом и сыном началась борьба. Елена была ни жива ни мертва. «Остановитесь! Угмонитесь!» – молила Елена. Сжав руки, она присела, защищая свое будущее дитя. Царь замахнулся на сноху, а сын стал вырывать из рук его посох... Как закончилась эта сцена – известно из картины Репина «Иван Грозный и сын его Иван».

Если бы в голове царя мелькнула разумная мысль, он бы сообразил, что убивает не только взрослого сына, но еще того наследника, что пребывал пока в утробе матери. Увы! – места здравому смыслу у таких людей не находится.

...Елена Шереметева приняла постриг в Новодевичьем монастыре...

Что делают в таких случаях циклотимики? Да каются и, опомнившись, просят прощения... Может быть, царь даже становился на колени перед Еленой Прекрасной, плакал.

И не дано ему было знать, что в недалеком будущем погибнет его сынок Дмитрий и какая разразится смута в стране. Царевич Дмитрий был последним потомком в династии Рюриковичей. Значит – смена династии, а это всегда сопровождается нестроением, долгими битвами, сражениями, и, конечно, тут не обходится без вмешательства других государств.

Историк С. Д. Шереметев о смутном времени и об избрании Романова¹

Среди самых ярких вождей сопротивления смуте следует назвать прежде всего двух церковных иерархов. Это патриарх Гермоген и архимандрит Дионисий, игумен Свято-Троицкого Сергиева монастыря: славная обитель стала неприступной крепостью для войск гетмана Яна Сапеги, выдержав почти 16-месячную осаду.

Из светских персон прославились два Рюриковича: на первом этапе – воевода князь Михаил Скопин-Шуйский, а в решающие месяцы борьбы – воевода князь Дмитрий Пожарский. Великим гражданином показал себя купец Кузьма Минин. Остался на скрижалях истории и крестьянин Иван Сусанин, ставший символом спасения юного царя. Имена этих людей, в первую очередь, символизируют собравшую свои силы в кулак Русь.

Страна явила миру урок выдающейся самоорганизации буквально «у бездны на краю». В кровавом зареве пожаров Смутного времени родилось осознание того, что под угрозой гибели оказалось само Московское царство. И это не риторическое преувеличение: шведы захватили Новгород и рвались к Пскову, король Речи Посполитой Сигизмунд III взял Смоленск. Вошел и в Москву польский гарнизон, приглашенный боярским правительством, в состав которого входил и Федор Иванович Шереметев.

Да, соглашение о приглашении на царство королевича Владислава было подписано. Но не было ли это попыткой сохранить порядок в стране? Второе ополчение Минина и Пожарского стало примером народного единства. В его составе оказались представители всех сословий Московского государства, бросившие распри, забывшие обиды, личные и родовые амбиции, вспомнившие наконец о гибнущей на глазах стране.

Но были и другие яркие личности в то тяжелое время. Карамзин называл «героем отечества» Михаила Скопина-Шуйского. Однако в 1610 году он пал от рук неизвестных злодеев.

А при его жизни о нем пели песни и читали *«Повесть о победах Московского государства»*. Пели эти песни и молодые Шереметевы, пели и печалились о безвременной кончине «юноши» Михаила:

*А и тут боярам за беду стало,
В тот час оне дело сделали:
Поддержули зелья лютова,
Подсыпали в стокан,
в меды сладкия...
«А и ты съела меня,
кума крестовая,
Молютина дочи Скурлатова!
А зазнаючи мне со зельем
стокан подала,
Съела ты мене, змея подколодная!»*

В «Повести о победах Московского государства» читаем: «И был по всему царствующему городу Москве крик и шум и плач неутешный стенавших от горя православных христиан – от малого до старого все плакали и рыдали. И не было такого человека, который бы в то время не

¹ Подробное исследование этой темы в книге «Труды С. Д. Шереметева по истории Смутного времени». М., 2015 (М. Ковалева и др.).

плакал о смерти князя и о его преставлении. Все его воины из русских полков и все москвичи рыдали и от всего сердца вздыхали, горюя и недоумевая, что сделать».

Россия все больше и больше втягивалась в смуту. В захватчиков и грабителей превратились и приглашенные царем Василием Шуйским шведы, и допущенные поляки.

Битва за освобождение Руси продолжалась. Погублена династия Рюриковичей, значит, требуется новая династия, но кого выдвигать из знатных и славных? Жестокого царя русские уже не хотели, хотели юного, чистого, славного. Большую роль сыграла церковь, патриарх Гермоген.

Выбор пал на Михаила Романова. Он был «удобен», знатен, у него хороший нрав.

Сергей Дмитриевич Шереметев посвятил Романовым немало страниц в своих «Трудах по истории Смутного времени». (Благодаря историкам, в том числе М. Д. Ковалевой, «Труды» изданы в 2015 году.)

Вот что относится к избранию Романовых:

«...Род Романовых был уважаем и известен. Когда Никита Романович появился среди народа, шествуя из Кремля к себе в дом, – радости и ликованию толпы не было пределов, его провожало несметное множество народа. В этом порыве радостного сочувствия сказывался опять здравый смысл народный. Поет народ про Никиту Романовича, поет про трех больших бояринов, про трех Годуновых изменников, о том, как

*Упала звезда поднебесная,
Потухла в соборе свеча местная,
Не стало Царевича у нас на Москве,
Меньшова Ивановича».*

Но если Феодор Никитич и не наследовал от отца своего всех свойств, неотразимо к нему привлекавших, зато он вполне унаследовал его государственный ум, твердость духа, неукротимую силу воли. Он был представителен, красив, изящен; опытный и храбрый воин, он был и даровитый воевода. В искусстве же уклончивой мудрости он не имел соперников. Тонкий дипломат, проницательный сердцеведец и примерный семьянин, он вместе с тем был человек «властительный» и «опальчивый». Таков был носитель преданий рода Романовых, деятельность которого проходит яркой полосой через все Смутное время. В изучении его деятельности, думается нам, заключается тайна разумения многих событий Смуты. Не один он в семье Романовых пользовался особым положением. По свидетельству современников, род Романовых «был самый знатный, древнейший и могущественнейший в земле Московской. Никого не было ближе их к престолу».

«Романовы, вообще, были осторожны, жили всегда очень дружно и были всеми любимы. Каждый из них держал себя с царским достоинством. Феодор Никитич, красивый мужчина, очень ласковый ко всем и так хорошо сложенный, что московские портные обыкновенно говорили, когда платье сидело на ком-нибудь хорошо, – „вы второй Феодор Никитич“. Он так хорошо сидел на коне, что все видевшие его приходили в удивление. Остальные братья, которых было немало, – походили на него».

Пленник мрачной крепости Чуфут-Кале

Василий Борисович Шереметев (1622–1682)

Времена царя Алексея Михайловича (1629–1676)

Царь Алексей Михайлович Романов был отцом будущего Петра I. В историю вошел с наименованием – «Тишайший». Однако царствование его отнюдь не было благодетным. Вспомните церковные реформы, патриарха Никона, протопопа Аввакума, соляной бунт... Крестьянскую войну под руководством С. Разина.

Но сосредоточимся мы на фигуре Василия Шереметева. Он храбро воевал с ордынцами. Кстати, сыновей в роду Шереметевых именно с того времени стали называть поочередно: Петр – Борис – Петр – Борис.

В январе 1644 года В. Б. Шереметев в качестве рынды участвовал в торжественном приеме, устроенном в Грановитой палате в честь датского принца Вальдемара, был одним из двадцати четырех чашников за «государевым столом». Он был красив собой («черты лица его прекрасны») – высокий лоб, живые глаза и благообразный облик. Таких юношей определяли в телохранители к царям. И в чине рынды через год он присутствовал на венчании царя в Успенском соборе.

В 1654 году боярин Василий Борисович Шереметев принял участие в русско-польской войне. Он командовал корпусом (около 7 тысяч человек) на южнорусской границе... Вскоре он получил от царя приказ выступить из Белгорода на Украину, чтобы соединиться с полками украинского гетмана Богдана Хмельницкого для совместной борьбы с поляками. Вот что читаем в словаре Брокгауза и Ефрона:

«Во время начавшейся войны на юго-западных рубежах России Шереметев соединился с 25-тысячным украинским войском. Два месяца боролся с 70-тысячным польско-татарским войском».

Эта кампания была неудачной для русских. Несмотря на заключенное перемирие, Василий Борисович в качестве заложника был отправлен к татарам.

Сами неприятели удивлялись доблести Шереметева. Под Любарой русские потерпели урон, но он в полном порядке отступил в Чудново, за что его прославляли как в польских, так и во французских источниках.

Шереметев сел в карету, запряженную шестеркой великолепных лошадей. За ним следовали пять телег с поклажей и одиннадцать слуг, а далее ехали на повозках сто человек, особо преданных Шереметеву и решивших остаться с ним в плену. Пленника охранял конвой из трехсот татарских всадников. В течение семи недель крымские татары везли Шереметева по степи. Крымцы, опасавшиеся преследования, ехали окольными путями.

Наконец он был доставлен в Бахчисарай, где его принял хан Мехмед Герей.

Здесь Василию Борисовичу пришлось столкнуться с восточным коварством: его лишили всех слуг и отправили в крепость Чуфут-Кале. Это голое место, высокое плоскогорье, в котором проделано некоторое подобие пещер-камер. По ночам царит ледяной холод, а днем – душная жара. В переводе с еврейского (или караимского) Чуфут-Кале означает «твердая крепость».

Тем временем до царя Алексея Михайловича дошла весть о пленении его верного слуги, и он решил все предпринять и выкупить Шереметева. Речь шла о больших деньгах. Василий Борисович не хотел царских трат. Он писал царю и только жаловался на разлуку с любимой женой и горести: «И от того разорения женишка моя и сынишка и бедная моя дочеришка голодны и живут без меня с великой нужею: хлеб и дрова покупают дорогой ценой и от того одолжали... А сынишка моя человеченка молодой и бессемеен и пуст, родителей старых

никово нет, а и есть свои, и оне не добры, теснят сынишка моего деревенской теснотой без меня, видя мой упадок великий и одиночество».

Плененный Шереметев то ждал вестей с родины, то отчаивался и впадал в тоску, терял последнюю веру. А переговоры с царем длились и длились, и годы шли за годами.

Обещали, что как получают письмо царское, так дадут ему волю. Снова Мехмед Герай возил пленника по тряским дорогам – однажды ехали «более пятисот верст в телеге, в кандалах; и многие реки вплавь, в телеге, на арканах волочили и дорогой замучили было до смерти». Ширинские беи бросились в погоню за ханом и настигли его за рекой Кубанью. Хотели убить Шереметева, чтобы он никому не достался, но беи их отговорили и убедили вернуть знатного пленника.

В. Б. Шереметева доставили обратно в Крым. По ханскому приказу он вновь был заключен в темницу Чуфут-Кале.

Просидеть в такой мрачной тюрьме месяц, год – куда ни шло, но Василий Шереметев провел там... 20 лет.

Были дни, когда всходило солнце и до самого вечера нещадно палило, и так целый месяц. А потом наступали осенние ветреные дни – и выдувало из темницы остатки тепла.

Одиночество – время раздумий, воспоминаний. Должно быть, в мыслях Шереметева всплывали повести о Батыевых временах, о Михаиле Черниговском – от него требовали отказаться от православной веры. Мало того – требовали, чтобы князь, прежде чем предстать перед очи Батыевы, прыгал через костер (по их обычаю), а потом поклонялся кустам, дереву, идолам. Если пленник упрямился, требовали слугу, и тот говорил: «Как посмел ты повелениям моим пренебречь? Теперь выбирай: или прыгать через огонь и кланяться моим богам, и тогда останешься жив и получишь княжение – или злой смертью умрешь».

От тоски и печали, от несмолкаемых криков Шереметев затыкал уши, но голоса с минаретов пронзали от раннего утра до поздних закатов. Чтобы заглушить их, Василий Борисович пел песни – от русских делалось еще тоскливее, а хохлацкие немного утешали.

Изредка удавалось послать весточку в Москву. Ничего не поделаешь, приходилось жаловаться. Один хан сменил другого. Несмотря на высокое положение, пленника содержали в нечеловеческих условиях.

Шереметев писал царю Алексею Михайловичу: «Хан мучил меня, никого так никто не мучает, которые есть государевы люди у мурз, у аг, и у черных татар. Кандалы на мне больше полпуда; четыре года беспрестанно я заперт в палату, окна заделаны камнями, оставлено только одно окно. На двор из избы пяди не бывал я шесть лет и нужу всякую исполняю в избе: и от духу, и от нужи, и от тесноты больше оцынжал, и зубы от цынги повыпадали, и от головных болезней вижу мало, а от кандалов обезножел, да и голоден».

Наконец в 1682 году, через 20 лет, Шереметева отпустили. Он вернулся к семье, к своим сродникам.

21 апреля 1682 года тяжело больной Василий Борисович составил духовное завещание, а через три дня, 24 апреля, скончался. За время неволи его жена и сын Иван умерли. Наследство он оставил своему двоюродному брату – боярину Петру Васильевичу Большому Шереметеву и его старшему сыну – **боярину и будущему графу Борису Петровичу Шереметеву**.

Рассказы о своем предке Борис Петрович, будущий фельдмаршал, впитал, и они стали частью его судьбы, характера и поступков и, конечно, добавили мудрости.

* * *

Не зря историк Н. Г. Устрялов назвал Шереметевых «мужами войны и совета».

Однако они не были и фанатиками. Описана такая сцена. Однажды Матвей Васильевич Шереметев повстречал протопопа Аввакума, и тот выразил возмущение, что он без усов и

бороды. Что же, новшества Шереметевы тоже принимали без особого упорства. Оттого-то и фельдмаршал Борис Петрович станет помощником великого Петра. А борода, язык, платье? Что ж, не в том главное...

Они умели отделить зерна от плевел, прибегнуть и к дипломатии (кстати, они никогда не были масонами). Но умели хранить верность отечеству, царю и роду. Вся история Василия Борисовича, конечно, перешла к его потомкам и прежде всего к герою следующей части – Борису Петровичу Шереметеву.

Часть вторая

Фельдмаршал и царь²

*Из шатра,
толпой любимцев окруженный
выходит Петр. Его глаза
сияют. Лик его ужасен,
движенья быстры. Он прекрасен,
он весь как божия гроза...*

*.....
и он промчался пред полками,
могущ и радостен, как бой,
он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
сии птенцы гнезда Петрова —
в пренах жребия земного,
в трудах державства и войны
его товарищи, сыны:
и Шереметев благородный,
и Брюс, и Боур, и Репнин,
и, счастья баловень безродный,
полудержавный властелин.*

А. С. Пушкин «Полтава»

Весть о блудном сыне

...Холодное утро 1718 года. Зима перевалила за середину, позади остались крещенские морозы, воздух уже осветлился, однако по утрам трещат еще такие приморозки, что с терпеливого московского шага люди переходят на рысий бег. Пришла чередa власьевских морозов – и хозяйки в эти дни приводят коров, другую животину к церквам, молятся святому Власию, покровителю животных, и окропляют их святой водою.

Просыпается, потягивается Москва. Зажелтели свечками окна. Звонят к заутрене. Смолкли колотушки ночных сторожей, в сараях подают голоса неумные петухи.

Малиновые косые лучи прорезали белый город. Солнце поднялось выше и расплескалось жар-птицыным хвостом, раскинув синие тени по дворам и дорогам. Окрасились Варварка, Богоявленский и Знаменский монастыри, всеми четырнадцатью башнями зарозовел Китай-город. Когда-то обнесено было это место деревянным жердинами – китами, их сменили белокаменные стены, но название «Китай-город» осталось.

На Никольской улице – большое подворье, родовое гнездо бояр Шереметевых. Угловой дом лет пятнадцать назад за пять тысяч рублей купил у Воротынского Борис Петрович Шереметев, прельщенный великими его размерами. В доме 39 «житий»! – столовая, спальная, крестовая, буфетная, кабинетная, овощная... – и множество строений вокруг: мыльня, каретная, конюшни, курятник, амбары для возков, карет и прочее.

² Печатается с сокращениями. В полном объеме – АСТ, Астрель, 2010.

Палаты боярские белокаменные, нарядные, с точеными балясинами, над входом герб шереметевский: два льва, держащие щит, а также икона в серебряном окладе.

В доме своем у окна сидит сам Борис Петрович и оглядывает любопытствующим взглядом двор и окрестные улицы. Он далеко не молод, дороден, даже толст, однако лицо гладкое, румяное, и взгляд близко посаженных карих глаз ясен. Нос большой, длинный, словно огурец, зато губы очерчены тонко. Природа щедро наградила его силой, открытостью, обаянием. В 14 лет он отлично скакал на коне, в 16 – владел саблей и кремневым ружьем, сгибал подковы, в 17 лет женился и уже более двадцати лет верой и правдой служил государю Петру и России.

Вся жизнь – в боях и походах. Как цыган, то на Днепре, то на Ладоге, то на Пруте, и всё в шатрах да на тесных военных квартирах. Слава Богу, наконец, месяца три назад получил изволение приехать в старую столицу, вот и глядит не наглядится на нее.

Одним концом Никольская улица упирается в Красную площадь, в Кремль, другим выходит на Лубянку. Площадь Лубянская – что каравай белого хлеба, круглая, гладкая, веселая. Подъезжают подводы, сани, выгружают мешки с грибами-ягодами сушеными, бураки с медом, с маслом, бочонки с клюквой, морошкой, калачи, хлебы, мясо. Идет великий торг. А дорога, синяя, серебристая, звенит-переливается...

За Лубянкой начинается Кузнецкий мост, Пушечная. Там испокон веку хранили порох, селитру, ружья, мортиры, сукна казенные на солдатское платье. Отсюда привозил их старший сын Шереметева Михаил, ведавший в армии артиллерией. Отец говорил ему: «Победа начинается не в поле, а тут, на Пушечной, в заботе о снаряжении, и выигрывают войну не отчаянные, а рабочие люди». Борис Петрович вздыхал:

– Ох, Михаил, надежда и любовь моя, славна и печальна твоя участь!

Однако чьи это санки несутся со стороны Варварки прямо к дому? Остановились возле ворот. Ба, да это брат его Владимир! По своему обыкновению прямо в шубе ввалился в комнату, сбросил меха на руки подоспевшему Афоне и уселся напротив.

– Привезли! – выдохнул Владимир Петрович. – Царевича привезли.

Борис Петрович привстал: неужто? Неужто нашли сбежавшего из России Алексея и решилось дело, угнетавшее всех чуть не целый год? Оскорблен был царь Петр, перед всем миром оскорблен – еще бы, родной сын сбежал! Беда природы: не наследовал ни талантов, ни отцовской энергии, ни стараний. Год назад царевич объявил, что хворает и просит отпустить его лечиться за границу. Петр требовал, чтобы он был в войске, занимался делом или постригся в монахи, отказавшись от трона. Алексей же, вместо лечения, просил убежища в иностранных дворах и поселился в Австрии под именем Кохановского. Разгневанный Петр отправил своих посланников Толстого и Румянцева; те долго вели поиски, переговоры, даже грозили оружием, и наконец австрийцы, удивившись российскому варварству, выдали беглеца.

– Где содержится царевич, в Кремле? – спросил Борис Петрович. Двойственные чувства испытывал он: и неприязнь к Толстому, Румянцеву, и недовольство Алексеем.

– Ежели бы! В Преображенской избе, – отвечал Шереметев-младший.

– Значит, в тюрьме... – раздумчиво заметил Борис Петрович. И сразу обмяк, как-то постарел: в памяти собственный сын. – Вот так и моего Михаила не пожалел... В звании повысил, портрет с бриллиантами подарил, а самого... в плен к туркам...

– О том ли теперь говорить надобно?.. Подумай, что нас теперь ждет. Розыск будет, суд, тягать всех начнут... Петр в ярости! Один сына не станет судить, всех приневолит разделить сие дело.

– Да, тут не отмолчишься, – согласился Борис Петрович.

– А я не стану! – горячился младший.

– Не кипятись, брат, погоди. Может, все образуется. За что царевича судить, ежели он согласен в монахи идти?.. Да только все едино: ждать теперь гонца от царя. Любит он скоро

все делать. – Тут Борис Петрович с проворностью поднялся, будто и не был стар, крикнул: – Афанасий! Одеваться, запрягать!..

Промчавшись по Моховой, кони завернули на Воздвиженку, за угол, и остановились у дубовых ворот. То была вторая графская обитель.

Навстречу выбежали слуги. Всполошилась супруга Анна Петровна, певуче спросила:

– Отчего скоро так, батюшка? Не страшлось ли чего?

Рядом с ней стояли дети: белокурый мальчик с косящими голубыми глазами, девочка лет четырех и совсем маленький карапуз, державшийся за материну юбку. Все трое устремились к отцу, которого нечасто видели; он только коснулся огромной своей ладонью головенки каждого и успокоительно проговорил:

– Погодьте, ребятки, погодьте...

Супругу тоже успокоил и добавил:

– Вели принести самовар в кабинет да еды какой...

Оставшись один в своем кабинете, начал одинокую трапезу: кружку опрокидывал за кружкой, исчезали куски телятины, пироги, орехи, все, что попадалось под руку. В еде Борис Петрович находил успокоение.

Наконец, утомив мысли, с первыми сумерками велел себя раздеть и улегся в постель. Кровать была голландской работы, подарок свата его Головина, после военных походов весьма любима и удобна – Борис Петрович любил комфорт. Тут хорошо думалось, вспоминалось, а ежели в груди загорится – боль утихала.

Мысли фельдмаршала потекли в обратном направлении, к первым общим делам с Петром Алексеевичем...

В марте 1697 года царь отправлялся в Голландию, а слуге своему Шереметеву повелел ехать южными границами... Тот был на двадцать лет старше царя, учился в Киеве, в Киево-Могилянской академии, знал европейские языки, особенно польский, был просвещенным человеком и служил еще при Алексее Михайловиче. А как любил Киев, кручи днепровские, жития Феодосия Печерского, Святого Антония!..

Однако повелел молодой царь – и немолодой боярин встал с ним рядом, сделался сподвижником.

В год отъезда за границу уже бегал по Кремлю малый сын Петра и супруги его Евдокии Лопухиной, женщины ума недюжинного, к тому же упрямой, не пожелавшей подчиняться мужу, отрок по имени Алешка.

Славное было путешествие по южным рубежам – как бег облаков по небу. Славное и опасное...

Секретная миссия Шереметева

Однажды раздался стук в доме на Никольской – это царь, вскочив на коня, из Кремля явился к воротам и объявил:

– Желаю здравствовать, Борис Петрович! Говорили мы про то – время настало!.. Брать тебе великое посольство и – ехать. Я в марте в Голландию, по северу Европы, а ты – в Польшу, Вену, Венецию, в Рим... И далее.

– Готов, ваше величество, – отвечал Шереметев, – чиню и делаю все для самодержавного государства!.. И ради своей фамилии.

– Возьмешь фамилию ротмистра Романова, будешь мой сродник. Рассчитай, сколько денег надобно из государевой казны.

– Не беден я, государь, не надобны мне твои деньги, своими управлюсь.

Петр обнял его:

– На тебя моя надежда, Борис Петрович!

...Петр уехал по весне, а Шереметев – в июне того 1697 года.

И вот уже великий обоз движется по западным дорогам... Сразу пошли «нестроения» – в Польше в Кракове случился «великий рокош», бунт с мятежами и убийствами... Ротмистр Романов угодил в тюрьму, вызывали его на допросы... Помогло только знание польского языка да еще любезное обхождение, которому учил его отец, и дорогие подарки, конечно. Дамы и шляхтичи были очарованы...

А следом – Вена. Император Леопольд уже получил донесения о московском госте – мол, образован, любезен, учтив и даже знает латынь. «Зачем и куда путь держите?» – «Да просто – ротмистр, – сказывал, – желаю повидать чужие страны, посетить гробницу святых Петра и Павла». Не сказывать же про главную цель: вести разведку, настраивать Европу в пользу России. Ради этого он готов и католический собор посетить, и мессу послушать, проявить, так сказать, религиозное свободомыслие, может быть, посетить Папу Римского...

В Риме Шереметева уже называли генералом, а за дипломатические речи – дипломатом. В Ватикане он делится давней мечтой – посетить остров Мальту. Папский нунций доносит: «Это довольно странное желание... Кто разгадает, какие мысли у этого человека? Похвалы его католической вере сомнительны».

И все же путь на Мальту его великому посольству открыт. В рыцарском замке Ла-Валетты Шереметеву был оказан торжественный прием – впервые человек из северной страны явился на сей остров, лежащий посреди Средиземного моря. «Роль сего острова в будущих войнах с турками, – говорил Петр, – зело велика».

Секретарь Шереметева Курбатов зарисовывал и записывал все о том путешествии: каков прием, какова крепость, стены ее. Записал он и слова магистра рыцарского ордена: «От сего знамени, висящего на хоругвях наших, враги Креста Господня и всего христианского мира впадают в страх и ударяются в бегство». Удачей стал визит на Мальту... Правда, на обратном пути корабль попал в «морской рокош» – поднялась буря великая, и с трудом удалось выбраться... А потом все стихло, море стало – как укрощенный зверь. Славно думалось, должно быть, в той тиши о новом ордене иоаннитов, или госпитальеров, который получил Шереметев. Заветы избранного ордена были близки православию, мыслям Дмитрия Ростовского о милосердии, о помощи бедным, больным и раненым...

Весьма успешным оказалось великое посольство Шереметева. Как только он вернулся в Москву – явился к государю, и опять у них состоялся разговор. Царь даже называл своего сподвижника почетным словом «боярд».

– Входи, входи, Борис Петрович! Отчет твой прочитал. Ха-ха-ха, да ты галант, генерал! Compliments оказывал королям и дамам... Что скажешь?

– Думаю, теперь число сторонников наших, государь, прибавилось. Глядеть на нас будут с большим почтением... А я...

– Похвально! Зело благодарен тебе, Борис Петрович!

– Дипломатия – достойное занятие, – заметил Шереметев, намекая на то, что хорошо бы ему теперь служить по дипломатической части.

Петр хлопнул рукой по столу и отрезал:

– Дипломатия кончилась! Карл XII ведет себя дерзко! Воевать с ним станем!

Шереметев с трудом сохранил непроницаемое лицо:

– С Карлом? Да он же первый вояка в Европе, а мы... у нас нет ничего...

– Ничего? Прикажу – и все будет! Так и знай!

– Кабы не осрамиться...

– Не бывать тому! А тебе, Борис Петрович, быть генералом. Набирай конницу, пехоту. Михаил, сын твой, пусть командует артиллерией... Дворянских сынков – в дело! Вскорости наступать будем!

Шереметев с осторожностью заметил, мол, дворянские сынки воевать не научены, ленивы. Ополчение готовить надобно... Обмундирование худое, лошадей мало, рано воевать!

Только слово царское – как удар молота, как гром небес.

Новый XVIII век начался с войны, с единоборства молодого горячего Петра с еще более молодым Карлом XII, который захватил уже многие прибалтийские земли.

Первая встреча с царевичем

Новгород... То были первые, начальные месяцы войны со шведом. Выпала неделя затишья. Полки расквартированы по новгородским домишкам. Сам Шереметев стоял в Кремле. Как раз тогда Петр велел Меншикову привезти в Новгород Алексея, дабы приучался к воинскому делу.

Борис Петрович бродил по новгородским улочкам, любовался уютными, разбросанными всюду церквушками, ездил к Юрьеву монастырю, поражавшему суровостью и величием, конечно, бывал в Софийском соборе.

Всё напоминало здесь о древних русичах, возвышало душу. Славно дышалось. А в Софии Святой подолгу стоял возле иконы Петра и Павла. Всплывали картины Византии, родного Киева. Там учился он вместе с Даниилом Туптало (отец его Савва был из запорожских казаков), там был знаком с Иоанном Кроковским, ставшим митрополитом. Вместе учились они, вместе постигали заветы апостолов Петра и Павла. Шереметев обещал поклониться в Риме святым Петру и Павлу – и исполнил обещание... В Новгороде, глядя на одухотворенные, мужественные лица апостолов, на их одежды в синих и оливковых тонах, Шереметев набирался сил, каялся в прегрешениях, возносил хвалу Господу... В молитве не забывал и своего государя – царь годился ему в сыновья, однако уж признавали его великим: подобно богу Марсу, сдвигал российскую колесницу...

Раз, молясь в Новгородской Софии, Борис Петрович увидел высокого бледного отрока, лицо которого дышало необыкновенной страстностью, отрешенностью. Пригляделся – оказалось, царевич, только что прибыл. Вместе они вышли, остановились во дворе, под липами, долго говорили. С того дня – видно, чем-то расположил его к себе Шереметев – наследник то и дело навещался в его штаб. Государь звал сына на передовую, понюхать пороху, но, не увидав старания, дал волю Борису Петровичу: мол, поучи мальчика хоть какому делу.

Шереметев посылал царевича к Михаилу, к пушкам его и мортирам, но тот охотнее шел в конюшню, на псарню, а более всего его тянула охота. Хотя царь не любил и даже запрещал охоту, в один ясный осенний день отправились они все же на зайцев. Какая то была охота: через час-два зайцы словно ошалели от гона, преследуемые собаками, они кружили по полянам, уже не прячась в лесу... Как заливались гончие! Охотничий рог то и дело разрывал осеннюю тишину – стояла музыка, сладкая боярскому сердцу! Настреляли зайцев множество, Алексей голову терял от счастья. Однако, когда увидел связки убитых зайцев в руках егерей, капающую кровь, содрогнулся при виде смертельной добычи и более не глядел в ту сторону... Жалостлив, богобоязнен царевич...

Вечером возле костра как-то пустились в воспоминания о Москве, и отрок признался:

– Ежели бы знали вы, Борис Петрович, какая веселая жизнь в Кремле Московском! Там новую карлицу теперь привезли, такая она забавница, так всякому зверю подражать умеет!.. А в карты мы с ней, в дурачка да в акулину, до самой ночи играем... Какие мои учителя? – отвечал он на вопрос Шереметева. – У меня один учитель Никифор Вяземский, да только я его не боюсь: ежели трудный урок задаст, так я его тут же на базар посылаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.